

Именно в этот момент —

Два ослепительных луча духовного света внезапно вырвались наружу. Один золотой, другой синий, они взметнулись в небо с нефритовых талисманов на поясах Гу Юньхао и Су Цинъя, пронзая сгущающиеся сумерки.

Свет стремительно пульсировал, аура излучала тяжесть и величие, неся с собой присущее сектальным артефактам давление, которое не терпело ни малейшего возражения.

Лица обоих в тот же миг изменились.

— Это экстренное послание от секты. — Гу Юньхао прижал палец к нефритовому талисману, его суставы слегка побелели.

Су Цинъя тоже нахмурила брови, и капля духовной силы плавно влилась в талисман.

В следующее мгновение два полупрозрачных призрачных силуэта возникли в воздухе. Оба выглядели как старейшины их секты, с суровыми лицами и резкими, громовыми голосами.

— Утечка демонической ци из Царства Демонов становится всё сильнее, в древних руинах то и дело происходят странные аномалии, а остатки расы демонов тайно собираются, чтобы развязать хаос в Трех мирах! Секта приказывает вам двоим немедленно вернуться для обсуждения великого плана борьбы с демонами, промедление недопустимо!

— Ситуация критическая, не теряйте ни мгновения, возвращайтесь немедленно!

Эхо слов стихло, призрачные силуэты рассеялись, духовный свет постепенно угас, и в долине вновь воцарилась тишина.

Лишь костер продолжал потрескивать, вытягивая тени троих то в длинные, то в короткие полосы, то погружая их во тьму, то высвечивая, отчего на душе у каждого становилось тоскливо и тревожно.

Сердце Хуа Чжао тяжело ёкнуло, и она невольно посмотрела на обоих.

Пройдя весь этот путь вместе, разделяя жизнь и смерть, сражаясь в Царстве Демонов, получая тяжелые ранения и защищая друг друга, они давно перестали быть просто попутчиками — их связывала дружба, испытанная самой судьбой. Внезапное расставание, пусть даже разум и понимал высший долг, всё равно оставляло на дне души горечь и нежелание отпускать.

— В секте беда, я должен вернуться. — Гу Юньхао убрал нефритовый талисман, его голос звучал ровно, но в нем отчетливо слышалась вина. — Вы отправляйтесь в Тяньмяо Цзэ

первыми, будьте во всем осторожны. Как только дела в секте завершатся, я непременно скорей воссоединюсь с вами.

Су Цинъя тоже слегка кивнула, а в ее холодных и чистых глазах промелькнуло извинение:

— Аномалии расы демонов касаются всех живых существ под небесами, от этого нельзя отказаться. Берегите себя в дороге, а как только мы со старшим братом Гу разберемся с важными делами, то сразу же отыщем вас.

Раз уж дошло до этого, больше никто не стал уговаривать их остаться.

Долг перед родиной и верность секте превыше всего, и это никогда не было временем для мягких чувств, колебаний или сомнений.

У Вэнь Чжияой слегка покраснели глаза, она молча достала из аптечки несколько флаконов с целебными пилюлями и мягко вложила их им в руки. Ее голос был тихим и дрожащим:

— Путь опасен, возьмите это... Обязательно берегите себя.

Хуа Чжао подошла ближе, посмотрела на них и тихо произнесла:

— Счастливого пути, мы ждем вас в Тяньмяо Цзэ.

Простая фраза уже была самым торжественным обещанием.

Цин У слегка кивнул, его тон был уверенным и надежным:

— Идите, я здесь.

Гу Юньхао и Су Цинъя бросили на троих долгий взгляд, сложили руки в приветственном жесте и, не теряя больше времени, взмыли в воздух, мгновенно растворившись в глубине сумерек.

Один на юг, другой на север — каждый спешил навстречу своему предназначению, исчезая в одно мгновение.

Костер все так же ярко пылал, но от некогда оживленного отряда из пяти человек теперь осталось лишь три фигуры.

Вечерний ветер легко пронесся по долине, принося с собой легкое чувство пустоты и одиночества.

Хуа Чжао посмотрела в сторону, куда они ушли, и тихо прошептала:

— Они обязательно вернутся целыми и невредимыми.

Цин У стоял рядом с ней, подняв руку, чтобы мягко сдуть застрявший в ее волосах обломок листа, и его голос звучал мягко и твердо:

— Вернутся.

— Мы тоже должны продолжать становиться сильнее, и к моменту новой встречи уже никто не сможет нас разлучить.

Вэнь Чжиюй тихо кивнула, растерянность в ее глазах постепенно улетучилась, сменившись вновь разгоревшимся пламенем твердой решимости.

Ночь становилась всё глубже, звездный свет усыпал долину, а крошечные огоньки светлячков кружили в танце по ветру.

Короткое расставание никогда не означало конца, оно было лишь преддверием для еще более сильного воссоединения в будущем.

Впереди все еще лежал долгий путь, туман не рассеялся, но пока в сердце живет цель, непременно настанет день новой встречи.

Сумерки сгустились, звездный свет перекинулся через горные вершины, и легкая тоска от недавнего расставания, развеянная ночным ветром, стала намного слабее.

Костер весело потрескивал, и теплое желтое пламя мягко играло на лицах троих, прогоняя ночной горный холодок.

Хуа Чжао смотрела на пляшущие языки пламени, ее пальцы бессознательно совершали легкие движения. Днем, во время очищения Белого Оленины, Техника Зарождения Жизни работала на редкость плавно, и эта теплая, мягкая сила неторопливо струилась по меридианам, даруя ее сердцу исключительное умиротворение. Она ясно чувствовала, как ее собственная духовная сила капля за каплей становится всё более размеренной и плотной.

Цин У сидел рядом с ней, не говоря лишних слов, лишь бережно подбрасывая сухие ветки в огонь. Его движения были плавными, словно он боялся спугнуть эту тишину. Он неизменно охранял ее покой, словно безмолвный, но надежный барьер — стоило ей в любой момент обернуться, как она неизменно встречала его мягкий и твердый взгляд.

Вэнь Чжиюй разложила на коленях аптечку и тщательно перебирала целебные травы,

раскладывая по категориям снадобья для залечивания ран, успокоения разума и укрепления основ. Ее движения были аккуратными и сосредоточенными.

— Теперь нас осталось только трое, в пути нужно быть еще осторожнее. Травы я заготовила с избытком, если почувствуете себя плохо — сразу говорите мне.

Ее голос звучал мягко, но в нем таилась сила, дарующая успокоение.

Хуа Чжао мягко кивнула, в ее глазах теплилось тепло.

Пусть Гу Юньхао и Су Цинъя временно ушли, окружавшие ее люди по-прежнему оставались товарищами, которым можно было доверить собственные жизни.

— Раз уж они вернулись в секту, значит, ситуация действительно критическая. — Голос Цин У был низким и спокойным. — Мы не можем останавливаться. Только став сильнее как можно скорее, мы сможем в будущем вновь стоять плечом к плечу и вместе противостоять любым бурям.

Хуа Чжао разделяла его мнение.

Пережив столько всего, она давно поняла, что слабостью не удастся выпросить жалость — лишь собственное могущество способно защитить всё то, что ей дорого.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, трое собрали вещи и продолжив путь на юг.

Покинув долину и ступив в бесконечные густые леса, деревья становились всё выше и зеленее, их ветви переплетались, закрывая небо. В лесу клубился легкий туман, воздух был чист, а вокруг разливался насыщенный аромат зелени.

Всю дорогу Цин У шел впереди, настороженно следя за движением вокруг. Стоило возникнуть хоть малейшему аномальному колебанию духовной энергии, как он тут же замечал это.

Хуа Чжао следовала сразу за ним: шагая вперед, она молча практиковала Технику Зарождения Жизни, ощущая окружающее дыхание природы и позволяя собственной духовной силе слиться с горами и лесами. Ее Техника Зарождения Жизни изначально была близка к природе, и в таком густом лесу она циркулировала с необычайной легкостью, а тело словно окутывал невидимый мягкий ореол.

Вэнь Чжияй замыкала шествие, внимательно приглядываясь к травам вокруг и то и дело останавливаясь, чтобы сорвать редкие ростки и спрятать их в суму.

Шаги троих были неспешными, а взаимопонимание — абсолютным.

К полудню лесной туман постепенно рассеялся, и солнечный свет заструился сквозь трещины в листве, образуя столбы золотого света.

Внезапно из травы неподалеку донесся слабый всхлипывающий звук — тихий и жалобный.

Хуа Чжао остановилась и прислушалась:

— Вы что-нибудь слышите?

Цин У тут же замер, его взгляд слегка посуровел, и он устремил его в сторону источника звука.

Вэнь Чжуй тоже наострила уши и легонько кивнула:

— Похоже... какое-то маленькое животное ранено.

Трое медленно приблизились и раздвинули густые заросли. На земле сжался в комочек небольшой зверёк светло-коричневого окраса. На его лапке красовалась глубокая рана, сочилась кровь, зверек сильно дрожал, а в его глазах плерами читался страх.

Увидев людей, зверек от испуга отчаянно забился назад, но из-за тяжелой раны не мог убежать.

Сердце Вэнь Чжуй смягчилось, и она тут же шагнула вперед:

— Не бойся, мы тебе не навредим.

Хуа Чжао присела на корточки, умерила дыхание, слегка приподняла ладони и беззвучно применила Технику Зарождения Жизни.

Слой теплого, сияющего белого ореола медленно окутал маленького зверька. Кровь на ране постепенно остановилась, а плоть затягивалась со скоростью, видимой глазу. Зверек, который только что мучился от боли и дрожал, постепенно успокоился. Его черные гласенки уставились на Хуа Чжао, в них больше не было страха, напротив, сквозило немалое доверие.

Буквально через мгновение зверек снова поднялся на лапки, потерся о кончик пальца Хуа Чжао и, прыгая, скрылся в чаще леса, мгновенно растворившись из виду.

В глазах Вэнь Чжуй засиял восторг:

— Хуа Чжао, твоя Техника Зарождения Жизни становится все сильнее! Такая тяжелая рана — и зажила в одно мгновение.

Хуа Чжао легко улыбнулась, ее глаза были чисты и мягки.

Она тоже отчетливо чувствовала, что все увереннее управляет Техникой Зарождения Жизни.

Цин У посмотрел на ее профиль, уголки его губ слегка приподнялись, и он тихо произнес:

— Твоя сила изначально принадлежит всему живому в этом мире.

Продолжим путь, дорога впереди станет еще яснее.

Хуа Чжао подняла голову, столкнувшись с его нежным взглядом, и легко кивнула.

Трое снова тронулись в путь, и их фигуры постепенно скрылись в глубине густого леса.

Солнце светило в самый раз, ветер шевелил верхушки деревьев, и хотя впереди лежал долгий путь, пока рядом верные товарищи, не страшны ни высокие горы, ни далекие дороги.

Рассвело окончательно, легкий туман в лесу висел словно вуаль, а в воздухе стоял присущий лишь зелени хрустящий морозный запах.

Хуа Чжао, Цин У и Вэнь Чжияй привели себя в порядок и продолжили путь по извилистой тропинке в сторону Тяньмяо Цзэ.

Без двоих спутников в дороге стало гораздо тише, а в атмосфере поселилось едва уловимое беспокойство.

Вэнь Чжияй шла-шла и не удержалась, тихо спросила:

— А в секте... неужели всё и правда так опасно?

Вдруг они... действительно не смогут прийти?

Пальцы Хуа Чжао слегка сжались, на сердце тоже стало тяжело, и она неосознанно подняла взгляд на Цин У.

Цин У тут же уловил тревогу в ее глазах, украдкой подал ей успокаивающий знак, а уголки его губ чуть-чуть изогнулись.

— У них есть голова на плечах, они не станут рисковать бездумно. — Он понизил голос. — Еще немного, и они обязательно придут.

Но в атмосфере все равно витала легкая удрученность.

И в этот самый момент —

— Если вы и дальше будете нас так проклинять, мы ведь и расстроиться можем.

Легкий, наполненный мягкой улыбкой холодный голос внезапно раздался из кустов неподалеку.

Трое резко замерли и в унисон обернулись.

Две знакомые фигуры неторопливо вышли наружу. Полы их одежд слегка отсырели от утренней росы, но осанка оставалась всё такой же прямой.

Это были те самые Гу Юньхао и Су Цинъя, что вернулись назад.

— Вы! — Вэнь Чжуй была одновременно и удивлена, и обрадована, ее глаза мгновенно засияли. — Как вы вернулись?!

Хуа Чжао тоже ускорила шаг, в ее глазах затаилось нескрываемое удивление, а взгляд слегка дрогнул, обращаясь к обоим.

Су Цинъя поймала ее взгляд и лукаво подмигнула, добавив капельку озорства.

Гу Юньхао же равнодушно окинул всех взглядом, задержавшись на секунду на Хуа Чжао и Цин У, что сошло за приветствие.

— Дела в секте... — мягко начала Хуа Чжао.

— Собрания в секте затягиваются, и быстрого результата там не добиться. — Су Цинъя легко улыбнулась, в ее голосе прозвучала редкая игривость. — Мы переживали за кое-кого, вот и сбежали тайком.

Гу Юньхао невозмутимо добавил:

— Раз товарищи впереди, нет причин не возвращаться.

Говоря это, он случайно встретился взглядом с Цин У. Их глаза на мгновение соприкоснулись, безмолвно обменявшись понятным лишь им двоим знаком.

У Вэнь Чжиюй мгновенно вспыхнули щеки, и она тихо проворчала:

— К-кто о вас переживал... Я просто подумала, что без двоих как-то слишком тихо.

Говоря это, она украдкой подняла глаза и зыркнула на Су Цинъя с полнейшим несогласием во взгляде.

Су Цинъя тут же всё поняла и нарочно изогнула брови, поддразнивая ее:

— О? Только тихо? С чего это мне слышалось, будто кто-то только что бормотал, будто мы можем не привиться?

Когда она говорила, уголки ее глаз слегка изогнулись, а взоре плерилось чистейшее озорство.

— Ничего подобного! — Вэнь Чжиюй тут же всполошилась и легонько топнула ногой. — Я переживала за вашу безопасность!

— Переживала за нашу безопасность или тебе просто жаль, что некому поспорить? — Су Цинъя подалась на полшага вперед, а во взгляде блеснула хитринка.

— Ты... ты специально издеваешься!

Вэнь Чжиюй сердито отвернулась, но при этом украдкой продолжала коситься на нее уголком глаза, а уголки ее рта сами собой ползли вверх.

Глядя на эту сцену, остальные невольно тихо рассмеялись.

Многодневная тревога, тоска и молчание в один миг развеялись без следа.

Хуа Чжао тоже мягко изогнула брови и уголки губ, а ее сердце, висевшее невесть сколько времени, наконец окончательно успокоилось.

Она повернула голову к Цин У — тот как раз смотрел на нее. Их взгляды встретились, и мягкость разлилась вокруг без единого слова.

Цин У слегка наклонил голову и тихо прошептал так, чтобы услышала только она:

— Я же говорил, они вернутся.

Хуа Чжао легонько кивнула, а в ее глазах засияла еще более нежная улыбка.

— Раз все в сборе, идем дальше. — Громко произнес Цин У.

— Идем! — Вэнь Чжияй тут же приободрилась, специально поравнялась с Су Цинъя и тихо пригрозила: — Смотри у меня, на этот раз сбегать тайком не разрешается!

— Кто это тут только что в нас сомневался? — Су Цинъя скосила на нее глаза, и в ее взгляде искрилось веселье.

— Ничего подобного!

Они шли всю дорогу и тихонько препирались, то и дело обмениваясь озорными взглядами.

Гу Юньхао шел с самого края, молча охраняя остальных. На вид он казался холодным, но когда их пути пересекались, он безо всяких слов уступал всем самую надежную тропу.

Хуа Чжао и Цин У шли рядом неторопливым шагом. Иногда их взгляды пересекались, и им не нужны были слова, чтобы на душе стало тепло и спокойно.

Фигуры пятерых переплетались, звенял легкий смех, и тихий доселе лес вмиг наполнился атмосферой юности.

Солнце пробивалось сквозь листву, осыпая их теплым золотом на всем пути.

Лучшее путешествие — это вовсе не то, как быстро ты идешь, а то, что —

Люди рядом всегда с тобой, и стоит лишь поднять глаза, как ты видишь улыбку в их глазах.

Они продолжали путь с этим легким настроением, а протоптанная дорожка под ногами постепенно сменилась толстым слоем опавшей листвы. Сначала сквозь кроны деревьев пробивалось пятнистое солнце под журчание ручья, но чем дальше они заходили вглубь, тем гуще становились гигантские древние деревья. Их ветви переплелись в огромную сеть, полностью закрыв небесный свет.

Пятеро шли плечом к плечу сквозь густой лес, полы их одежд шуршали по траве высотой по колено. Гу Юньхао прокладывал путь впереди, его длинный меч то и дело отводил в сторону раскидистые ветви, расчищая дорогу идущим позади; Су Цинъя и Вэнь Чжияй шли посередине. Звуки их перепалок постепенно стихли — возможно, от усталости из-за непрерывного пути. Вэнь Чжияй смахнула тыльной стороной ладони испарину со лба и машинально сжала висевший на поясе бурдюк с водой.

Этот бурдюк они наполнили еще в маленьком городке перед отправлением, но сейчас он уже давно опустел, и сквозь кожу прощупывалось сморщенное дно. Она облизала пересохшие губы,

посмотрела на бесконечно тянущуюся впереди полумрачную чашу и тихо пробормотала:

— Этот лес просто бесконечный, даже воды нигде нет.

Услышав это, Цин У достал из пространственного мешка мех с водой и протянул ей, однако его взгляд неизменно был прикован к Хуа Чжао. Челка Хуа Чжао тоже промокла от пота и прилипла к гладкому лбу, ее дыхание было чуть более частым, чем в начале пути, но она все равно неотступно следовала за отрядом.

Пройдя еще около получаса, опавшие листья под ногами постепенно пропали, уступив место земле, смешанной с древесным углем. Температура вокруг странным образом упала, и ветер, проносящийся сквозь лесные щели, больше не приносил аромата зелени, а напротив, поднимал сухую пыль с мелкими песчинками.

Стоило им пройти через последний клочок увядшего леса, как открывающийся перед ними мир резко изменился.

Привычное пение птиц, сопровождавшее их весь путь, вмиг исчезло, не осталось даже тихого стрекотания насекомых. Воздух сделался донельзя тяжелым и застоявшимся, словно скованным невидимой силой, и дул в лицо уже не ласково, а с грубой абразивной жесткостью. Последние нотки свежей зелени в лесу полностью исчезли, а ноздри заполнил застарелый, сухой запах гари — словно от чего-то, что тысячи раз сжигали яростные языки пламени. Этот запах затягивался в легкие с неизъяснимой горечью, от которой нестерпимо хотелось кашлять.

Все пятеро дружно остановились, невольно затаив дыхание и глядя на внезапно раскинувшуюся перед ними бескрайнюю землю, и какое-то время никто не мог произнести ни слова.

В древних трактатах и легендах Тяньмiao Цзэ описывался как земной рай, где собираются бессмертные, повсюду бьют духовные родники и клубится благоприятная ци. Однако теперь перед их взорами предстала земля, обугленная от многократных ожогов яростным пламенем. Почва растрескалась на бесчисленные тонкие и зловещие трещины, самые глубокие из которых уходили в землю по щиколотку, словно незаживающие раны в глубине земли, что извивались во все стороны вплоть до самого горизонта.

Те древние небесные деревья из преданий, что взмывали к облакам и ломились от духовных плодов, давно превратились в обугленные угольные пни во время той катастрофы. Кривые и косые, они торчали из выжженной земли: одни переломились пополам, от других осталась лишь половина ствола, а голые ветви, словно сухие кости, в отчаянии указывали на серое небо над головой. Многие стволы были полностью выжжены изнутри пламенем и ударной волной, и когда налетал ветер, они издавали гудящий звук — пустой и печальный, словно сама земля испускала безмолвный вздох.

По земле были разбросаны бесчисленные осколки гигантских валунов. Скалы, что некогда должны были иметь сине-серый оттенок, теперь были изрыты воронками и выбоинами. Часть

камней оплавилась от высоких температур и тут же быстро остыла, превратившись в иссиня-черные блестящие стекловидные кристаллы, которые под серым небом отливали холодным и мертвым блеском. Куда ни кинь взгляд — везде простиралась монотонная обугленная чернота, не было видно ни единой упрямой живой травинки, ни капли чистой живой воды, не говоря уже о малейшем дуновении легко парящей духовной энергии.

Вокруг стояла пугающая тишина, словно время здесь остановилось, и лишь шуршание ветра, проносящегося над выжженной землей, да завывание ветра в пустых стволах нарушали ее.

— Это... и впрямь Тяньмяо Цзэ? — В голосе Вэнь Чжиюй слышалась явная дрожь, и она невольно сжала в руке пустой бурдюк так, что суставы пальцев побелели.

Сморщенная кожа бурдюка впивалась в ладонь, отражая тяжесть ее собственного сердца на этот момент. Трудно было представить, что столь почитаемая бесчисленными культиваторами святая земля духовных практик превратится в эту лишенную жизни пустыню.

Су Цинъя неторопливо шагнула вперед, ее изящная рука легко взметнулась, и нить холодной духовной энергии, словно паутинка, плавно скользнула по земле. В местах, где касалась духовная сила, серо-черная пыль медленно поднималась вверх и снова опускалась под действием гравитации — ни малейшего намека на жизнь или отклика духовной силы.

— Ошибки нет, это оно. — Она убрала руку, а между ее бровей залегла глубокая тень. — Пространственная печать и записи в древних трактатах совпадают до мельчайших деталей. Только... та древняя битва бессмертных и демонов была в сто раз страшнее, чем мы себе представляли.

Гу Юньхао присел на корточку и слегка прижал кончики пальцев к обугленной земле. От подушечек пальцев передалось грубое, твердое и абсолютно холодное ощущение, словно он прикасался к куску замерзшей трагической истории. Он медленно отнял руку: кончики пальцев покрылись тонким слоем черной сажи, которая от легкого движения в воздухе превратилась в ничто.

— Ничего не осталось, — его голос звучал глухо, неся в себе беспомощность перед лицом свершившегося. — Ни тайных земель, ни наследия, ни духовных трав, нет даже малейшего следа ауры, где могли бы обитать обычные духовные создания.

Хуа Чжао стояла на месте, глядя на этот до крайности опустошенный мир, чувствуя, как ее сердце крепко сжала невидимая рука, так что даже дышать стало трудно.

С того момента, как Цин У подобрал ее на Зеленых Холмах, как она спустилась с ним с горы и познакомилась в Цинцю с Гу Юньхао, Су Цинъя и Вэнь Чжиюй — весь этот путь они преодолевали преграды, проходили через испытания жизни и смерти, а в их сердцах неизменно горело четкое направление: Тяньмяо Цзэ. Это было единственное место, где она могла отыскать свое происхождение и разгадать тайну Техники Зарождения Жизни, это был тот свет, что поддерживал ее во всех трудностях.

Но в этот момент этот свет погас.

Желанная земля осталась лишь грудой безжизненных руин.

Цин У молча подошел к ней. Не говоря утешительных слов, он мягко взял ее холодную, слегка подрагивающую руку. Тепло его ладони было ровным и надежным, передаваясь через соприкосновение кожи, словно слабый, но твердый лучик света, пробивающийся сквозь серую мглу этого мира и уверенно лежащий ей на сердце.

Ветер снова подул, поднимая тучи мелкой пыли, что кружилась вокруг пятерых и оседала на землю. Некогда окутанный испарениями бессмертия и благодатными знаменами Тяньмяо Цзэ теперь лежал перед ними во всей своей истерзанной красе обугленной земли, молчаливо повествуя о грандиозной и трагической истории, давно погребенной под толщей времени.

Заходящее солнце косо склонилось к закату, окрасив край неба в угрюмый багровый оттенок. Этот багровый цвет был вовсе не живою кровью, а мертвецки-тусклым охристым налетом, остающимся после полного выгорания, словно запекшаяся корка на ранах земли. Лучи заката падали на черную выжженную почву без тепла, покрывая этот мертвый мир удручающим сиянием. Каждая уродливая трещина в земле казалась под этим светом еще более зловещей, словно сама земля безмолвно обвиняла весь белый свет.

Все пятеро рассредоточились, храня молчание, и просто в тишине впитывали уникальную атмосферу этого древнего поля брани.

<http://bllate.org/book/20121/1989475>